

- аллюзии на священные тексты;
- философичность;
- имплицитное нравоучение.

Литература

1. Интернет-адрес: <http://www.india50.com/arundhatI2.html>.
2. *Рой А.* Бог Мелочей / Пер. с англ. Л. Ю. Мотылева, 1999 (электронное издание).
3. *Кузнецова Л. А.* Стиль и жанр художественного произведения; Под ред. Л.А.Кузнецовой и И. В. Викторовской. Львов, 1987.

НАСТАСЬЯ ФИЛИППОВНА – «ГОРДАЯ КРАСАВИЦА» И «ОСКОРБЛЕННОЕ СЕРДЦЕ» (ПОЭТОНИМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА)

С. В. Липницкая

Благодаря широкой известности произведений Ф.М.Достоевского и их роли в формировании духовного мира русской языковой личности многие поэтические антропонимы писателя (в том числе *Раскольников*, *Князь Мышкин*, *Настасья Филипповна*, *Смердяков*) являются культурнозначимыми единицами с богатым и устойчивым планом содержания. Это, в свою очередь, становится предпосылкой функционирования данных ономастических единиц за пределами породившего их текста. При этом связь с «материнским» текстом не разрывается, но служит основой для дальнейшего семантического развития этих имен, использования их как знаков вторичной номинации. Актуальность изучения этих семантических процессов обусловлена, во-первых, их активным характером в современной массовой коммуникации, и, во-вторых, их высокой информативностью как маркера духовных ценностей современного общества. Поэтому предметом нашего исследования мы избрали функционирование поэтонимов Ф.М.Достоевского в современной массовой коммуникации, при этом источником языкового материала нам послужили периодические издания России и Беларуси за 2000 – 2010 гг. Как показал опыт, данный аспект поэтической антропонимики очень важен и интересен также в учебном процессе, при изучении русской литературы в общеобразовательных и высших учебных заведениях.

В массовой коммуникации поэтоним функционирует как **ономастический трафарет** – то, что накладывается на новый объект и определяет его место в современной системе ценностей, т. е. воспроизводит «в мышлении и речи некий относительно стабильный комплекс культурных смыслов, отражающий специфику индивидуального объекта» [3, с. 43]. Данная функция поэтонима зависит от степени актуальности для носителей языка тех смысловых признаков, которые его формируют.

Одним из ярких женских образов русской классики XIX века является

героиня романа «Идиот» – Настасья Филипповна. Писатель создал неповторимый образ роковой красавицы, независимой, свободолюбивой, непоследовательной, шокирующей и завораживающей.

Антропоним *Настасья Филипповна* сложен и неоднозначен в интерпретации, что, с одной стороны, обусловлено энциклопедическим характером имен собственных художественного текста, а с другой, – спецификой идиостиля писателя. В сознании носителя русской культуры Настасья Филипповна является символом трагической судьбы русской женщины, которую ничто не может спасти от гибели. Во время работы над переводом «Антония и Клеопатры» Б. Пастернак заметил, что «сама Клеопатра – это **Настасья Филипповна** античности. Все трагически спуталось и только смерть распутывает, разрубает концы» [2, с. 340]. Основанием, на котором базируется метафорический перенос значения, является понимание гибели как развязки жизненной драмы, смерти как избавления от жизненных страданий.

Своеобразный взгляд на национальное самосознание русскоязычного человека, представил Дмитрий Воденников в стихотворении «Реквием по моим литературным кумирам»:

*Пепел Настасьи Филипповны и Хлестакова стучит в моем сердце,
вот я и мечусь между пошлостью и позором,
между двумя полюсами национального самосознания.* [см. 1]

В данном контексте образы Настасьи Филипповны и Хлестакова выводят в фокус душевные метания, по сей день актуальные для сознания русского интеллигента. Черты, характерные героям русской классики, осознаются как устоявшиеся, типовые, формирующие национальное самосознание.

В современной журналистике поэтоним *Настасья Филипповна* не только референцирует к героине романа, но также употребляется в функции вторичной номинации, представленной такими риторическими фигурами, как **метафора** и **сравнение**.

Метафорическое значение данного поэтического антропонима неоднократно реализуется в статьях, затрагивающих тему денег: *В России никогда деньги не были главными. Поэтому и в русской литературе нет почти страстей из-за денег, а где они есть, там обязательно **появится Настасья Филипповна**, которая возьмет да и швырнет их в огонь...* (КП 2006, 25 августа). В данном случае основанием для метафорического переноса является эпизод сжигания денег, апелляция к которому свидетельствует о том, что традиционно для русского человека материальное благополучие не является определяющим началом в жизни. Ср. также: *Русская красавица выше, благороднее, аристократичнее этих мелочных буржуазных принципов. Она принимает мужские деньги как должное*

<...>, не находя в этой ситуации ничего для себя унижительного, а то и не без гордости ощущая себя такой **Настасьей Филипповной**, получающей законную компенсацию за свои страдания (Русская жизнь 2007, 21 декабря). Контекстуальное метафорическое значение в данном примере опирается на ряд смысловых компонентов, формирующих поэтоним *Настасья Филипповна*, как то: «отношение к деньгам», «внешняя красота», «страдание», «смелость». Для автора статьи важно представить русскую красавицу как гордую, свободную женщину, не зависящую от обстоятельств, сложившихся вокруг нее.

В газетных текстах встречается употребление поэтонима *Настасья Филипповна* во множественном числе: *Если в мире животных в этом киносезоне моду задают волки, то в царстве женщин — **Настасьи Филипповны***. <...> *Бурная жизнь, поиск любви, копошение в подсознанке и драматический экивок под занавес* (НГ 2003, 11 июня). В возможных мирах киноиндустрии персонаж романа «Идиот» становится эталоном создания женских образов, выводя на первый план такие личностные характеристики, как «страстность», «эмоциональность», «необычность».

Поэтоним *Настасья Филипповна* используется при описании колоритных женских образов современного шоу-бизнеса: *«Там, где Настя, всегда адреналин, искры, страсти. Это не "Санта-Барбара" в режиме нон-стоп, а Достоевский в наше время. Главная героиня в этой истории — **Настасья Филипповна Заворотнюк!!!*** (КП 2008, 5 июня). Языковая игра, в которой, прежде всего, используется тезоименитство предметов метафорической номинации, актуализирует воспроизводимость выведенного Ф. М. Достоевским женского типа – пусть и в новых условиях, в новой, сниженной, модификации.

Поэтоним *Настасья Филипповна* нередко употребляется в качестве вспомогательного компонента **сравнений**. В анализируемом материале нами были выявлены буквальные сравнения, в основе которых лежит эпизод сжигания денег: *Если от меня непременно нужен какой-то экстраординарный поступок – пожалуйста, я готова! Если мне дадут миллион долларов, я эти деньги брошу в печку, как **Настасья Филипповна** у Достоевского. Я сделаю это из ненависти к тому, что души продаются черту – причем дешево и в большом количестве!* (Лениздат 2008, 12 мая) – сравнение выводит на первый план смысловой компонент «экстраординарность поступков». В качестве объекта сравнения может выступать не только человек, но и государство: *В те времена [времена СССР. – Л.С.] государство не собирало по дырявым карманам медяки с налипшей табачной крошкой, а щедро, как **Настасья Филипповна** в печку, бросало в небо миллион за миллионом* (Газета.ru 2007, 12. апреля).

Или: *Если посмотреть на «униженных и оскорбленных» героинь последнего двадцатилетия, у кого из них хватило бы духу кинуть в горящий камин запредельную сегодня сумму, как это сделала Настасья Филипповна?* (Московская правда 2008, 4 апреля) Сравнение актуализирует в сознании представителей русскоязычного культурного пространства образ сильной духом русской женщины с обостренным чувством справедливости, способной на самый неожиданный поступок и подчеркивает «измельчание» современных аналогов Настасьи Филипповны.

В основе сравнения могут лежать и другие смысловые компоненты значения поэтонима *Настасья Филипповна*. Ср.: *И страна моя родная тоже широка. И любит страна обманываться, подобно роковой, но такой непоследовательной красавице Настасье Филипповне.* (Правда 2004, 26 октября) – для автора статьи, сравнившего Россию с Настасьей Филипповной, важным представляется «мятущаяся душа» героини, ее непоследовательность. *Ненавидишь ли ты анимацию так, как ненавижу ее я? Проклятая, точно Настасья Филипповна, к которой чем ближе, тем опасней и притягательней...* (Новая газета 2004, 2 сентября) – здесь семы «притягательность» и «опасность» порождают новый смысловой признак – «проклятие», который проецируется на обреченность судьбы Настасьи Филипповны.

Рассмотренные примеры убеждают нас в том, что поэтоним *Настасья Филипповна* является важным компонентом поэтической персониферы русского языка и в национальной картине мира выступает как символ «чрезвычайно русской женщины», «роковой красавицы», которой присущи такие качества, как «экстраординарность» (в поступках), «непредсказуемость», «принципиальная свобода от обстоятельств», «решительность» и «импульсивность». Кроме того, Настасья Филипповна является символом трагической судьбы русской женщины, которую ничто не может спасти от гибели.

Литература

1. *Воденников Дм.* Как надо жить – чтоб быть любимым. Интернет-адрес: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/VODENNIKOV/DimaV4.html>
2. *Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак. Биография. М., 1997.
3. *Ратникова И. Э.* Имя собственное: от культурной семантики к языковой. Минск, 2003.

ДА ПЫТАННЯ ПРА КАНЦЭПТ «СКВАПНАСЦЬ» (НА МАТЭРЫЯЛЕ ПРЫКАЗАК І ПРЫМАВАК УСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ І АНГЛІЙСКОЙ МОЎ)

Н. М. Луновіч

Паняцце канцэпт характарызуецца неадназначнай структурай. 3